

А.В.Моторин

ПРАВЕДНИКИ В ИЗОБРАЖЕНИИ Н.С.ЛЕСКОВА

Праведники, быть может, самое яркое явление в художественном мире Лескова. В оценке многих, они, как и сам Лесков, представляют собой подлинных христиан. Однако для понимания истинных представлений Лескова о праведности, надо знать его веру, в основе которой лежит пантеистическое осмысление любви как безликой божественной силы, творящей всё частно сущее и влекущей всё частное к обратному растворяющему смешению и слиянию с божественным первоисточником — через смерть. По Лескову, праведники — это люди, больше всех проникнутые любовью безликого вездесущего божества и ближе всех подошедшие к краю своего отдельного существования, за которым — уничтожение. Эти праведники, как и сам Лесков, не понимают и не принимают возможности вечного личного существования человека и вечного общения с Богом-Творцом.

Ключевые слова: Лесков, Православие, праведники, Церковь, духовенство

Праведники, быть может, самое яркое явление в художественном мире Лескова, всегда привлекавшее внимание исследователей. В оценке многих, они, как и сам Лесков, представляют собой подлинных христиан: «Писатель не позволял пошатнуть его веру и не боялся открыться в своей любви к православному духовенству» [1].

Даже настроенный на поиски уклонения русских писателей от чистоты Православия М.М.Дунаев не находит в образах лесковских праведников ничего особенно еретического. Так, в повести «Инженеры-бессребреники» он видит «один из источников к житию святителя Игнатия» [2], а не клевету на этого святого, каковой повесть и является. И общий вывод касательно Лескова соответствующий: у него в творчестве выражается «мудрость христианина вопреки всем ересям» [2, с. 556].

Однако для понимания подлинных представлений Лескова о праведности, надо знать его веру.

Почти ровно за год до смерти в письме к А.К.Чертковой 2 марта 1894 года Лесков подвел итог собственному вероисповеданию: «В размышлениях своих о душе человеческой и о Боге я укрепился в том же направлении, как и верил, и Лев Николаевич Толстой стал мне еще более близким единоверцем. Думаю и верю, что “весь я не умру”, но какая-то духовная постать уйдет из тела и будет продолжать “вечную жизнь”, но в каком роде это будет, — об этом понятия себе составить нельзя здесь, и дальше это Бог весть когда уяснится <...> думаю, что определительного познания о Боге мы получить не можем при здешних условиях жизни, да и вдалеке еще это не скоро откроется, и на это нечего досадовать, так как в этом, конечно, есть воля Бога» [3].

О каком Боге он размышляет? Конечно, это пишет человек, не верящий в Евангельское Откровение Божие: в личное вечное бытие неповторимой человеческой души, в соединение ее с преображенным телом по воскресении мертвых, да и в божественность Иисуса Христа, имя Которого старательно не упоминается. Зато упоминается имя Льва Толстого — «близкого единоверца», «ересиарха» арианского толка, поклонника пантеизма в буддийском и шопенгауэровском изводах, отлученного от Церкви через несколько лет, в 1901 году (уже после смерти Лескова), за неверие в Пресвятую Троицу, божественность Иисуса Христа, богоустановленность Церкви православной и за проповедь своего еретического учения.

Православие Лесков всю жизнь тихо ненавидел. На закате дней в письме от 27 января 1893 года он внушал писательнице Л.И.Веселитской, не вполне согласной с его взглядами: «О “Соборных” говорите правду: они “Вам ближе”. Во всяком случае, теперь я бы не стал их писать, но я бы охотно написал: “Записки расстриги”, и... может быть, еще напишу их... Клятвы разрешать; ножи благословлять; отъем через силу освящать; браки разводить; детей закрепощать; выдавать тайны; держать языческий обычай пожирания тела и крови; прощать обиды, сделанные другому; оказывать протекции у Создателя или проклинать и делать еще тысячи пошлостей и подлостей, фальсифицируя все заповеди и просьбы “повешенного на кресте праведника”, — вот что я хотел бы показать людям <...>! Но это небось называется “толстовство”, а то, нимало не сходное с учением Христа, есть “православие”... Я и не спорю, когда его называют этим именем, но оно не христианство!» [3, т. 11, с. 529].

Все свое творчество Лесков посвятил поискам своей по сути антиправославной веры.

Лесковские праведники далеки от Православия, порою противостоят ему, порою просто обходятся без него. Это разного рода чудачки, сектанты, раскольники, масоны, живущие обычно скромно, неприметно, а по Лескову — свято. Находя таких людей в жизни, писатель подправлял, приукрашивал их черты в нужном направлении, а порою он просто выдумывал цельные образы — для воспитания народного самосознания, которое, по его мнению, еще не вполне развито.

Большинство повестей и рассказов Лескова со второй половины 1870-х годов, как и многое написанное ранее, стало составлять условно собираемый цикл «Праведники», имеющий постоянно раздвигающиеся границы.

Одним из очередных явлений этого подвижного умозрительного цикла стал сборник «Печерские антики (Отрывкам из юношеских воспоминаний)» (1882). В предисловии к нему автор заметил, что дает «изображения каких-нибудь не важных людей, которые, однако, своей жизнью до известной степени выражают историю своего времени» [4]. Первоначальное название «Печерские чудотворы» было заменено на «антики» из самоцензурных соображений, так как оно слишком явно указывало на противоборство автора православным представлениям о святых чудотворцах, в древности подвизавшихся в той же местности Киева — в Печерском монастыре. 14 октября 1882 года Лесков пишет редактору-издателю «Киевской старины» Ф.Г.Лебединцеву: «Работку для вас делаю и скоро доделаю. Это будет нечто вроде моих воспоминаний о киевских оригиналах 50-х годов. Называться будет: “Печерские чудотворы”. Если слово “чудотворы” (не чудотворцы); нехорошо зазвучит в ухе цензора, то можно поставить “антики”. Тут будут знаменитый импровизатор (попросту лгун): Кесарь Берлинский, раскольничий начетчик Малафей Пимыч и его отрок Гиезий. Всё это люди живые по своим характерным чертам и пресмешные» [5]. Замена «чудотворов» на «антиков» тоже значима: повеяло уже совсем античным язычеством. Слово «антик» стало здесь означать несовременного, необычного чудака, то есть «чудотвора» (в признаваемые Православием чудеса Лесков не верил). По сути, писатель назвал так людей, несущих в себе стихию древнего (античного) магического сознания и несомых этим сознанием по жизни к смерти.

Упомянутый в письме Л.И.Веселитской роман «Соборяне» (1872) также является утонченной критикой Православия, но недостаточно резкой, с точки зрения позднего Лескова. Впрочем, на протяжении всего творчества он должен был критиковать Церковь именно прикровенно, чтобы обходить цензуру и получать гонорары на пропитание.

В мире «Соборян», как обычно у Лескова, живут особые праведники. Действие в романе происходит Старгороде, который означает некое дохристианское исконно-глубинное состояние Руси, будучи символической противоположностью Новгорода — первой столицы Руси, принявшей вместе с Киевом Православие. Три представителя духовенства в повести — протоиерей Савелий Туберозов, отец Захария Бенефактов и дьякон Ахилла Десницын — не вписываются в православную церковную жизнь, будучи «героями старомодного покаяния» [3, т. 4, с. 9]. Они из рода лесковских праведников. Жизнь их движима таинственной божественной любовью, которая по смерти освобождает духовное начало из их душ («какую-то духовную постать»), а тела уходят в землю.

На склоне лет протоиерей и дьякон, находясь символически вне собора, в котором служили, но припадая к матери-земле, чувствуют прилив поглощающей их любви: «Здесь старик стал и, указав дьякону на крест собора, где они оба столь долго предстояли алтарю, молча же перевел свой перст вниз к самой земле и строго вымолвил: — Стань поскорей и помолись! Ахилла опустил на колени. <...> В торжественной тишине полуночи, на белом, освещенном луною пустом огороде, начались один за другим его мерно повторяющиеся поклоны горячим челом, до холодного снега, и полились широкие вздохи с сладостным воплем молитвы <...>. Проповедник и кающийся молились вместе. Над Старым Городом долго неслись воздыхания Ахиллы <...> — Знаете, отче: когда я молился... — Ну? — Казалось мне, что земля была трепетна» [3, т. 4, с. 280-281]. Здесь слышится отзвук молений новгородских стригольников — старых язычников, поклонявшихся Матери Сырой Земле уже посреди нового православного города в XIV веке.

Сам старик Туберозов во время этой ночной молитвы и прилива вселенской любви простудился «и заболел — заболел не тяжело, но так основательно, что сразу стал на край домовины» [3, т. 4, с. 282]. И вскоре он мирно «кончил свое житие» [3, т. 4, с. 285]. После его смерти и у дьякона, как он сам определил, «сделалась возвышенная чувствительность: после отца протопопы все тоска и слезы» [3, т. 4, с. 303]. Любовь, а иначе говоря, смерть «милостивая и неотразимая, стояла уже за его плечами и приосеняла его прохладным крылом своим» [3, т. 4, с. 304]. Помер он также от простуды, после того, как просидел долго в ледяной воде канавы с пойманным им мнимым «чертом» (переодетым Данилкой). Находясь в агонии, смерть он принял «вылетев сам из себя», то есть совершив последний смертоносный экстаз [3, т. 4, с. 318]. А следом помер и отец Захария: «Тихий старик не долго пережил Савелия и Ахиллу. Он дожил только до великого праздника весны, до Светлого Воскресения, и тихо уснул во время самого богослужения. Старогородской поповке настало время полного обновления» [3, т. 4, с. 319]. На языке Лескова «обновление» означает угасание истинной веры внутри ложного, по его мнению, Православия.

Особенно сложно, по мнению Лескова, быть праведным внутри Православной Церкви, тем более внутри священнического сословия. Отец писателя не выдержал этого противостояния и, закончив семинарию, порвал со своим «левитским» родом. Поэтому Лесков с особым пристрастием ищет и живописует случаи близкой ему «праведности» внутри Церкви. При этом приходилось обманывать читателей.

Приемы работы, искажающей православное направление русской жизни, запечатленное в преданиях, в памяти людей, Лесков раскрыл в предисловии к повести «Инженеры-бессребреники» (1887), весьма искаженно представляющей историю жизни великого святителя XIX века Игнатия Брянчанинова: «В течение многих лет занятия литературой я собрал изрядное число записей о разных историях и о разных лицах прошлой, не весьма от нас отдаленной поры тридцатых и сороковых годов истекающего столетия. Нечто из моего собрания я напечатал в “Новом времени” в виде извлечений из записок синодального секретаря Исмаилова. Рассказы эти показались читателям занимательными, и ни одно из переданных мною событий никем не опровергнуто.<...>. Но я сам, однако, знаю, что в числе историй, приобретенных мною в рукописях или лично мною записанных с

устных рассказов престарелых людей, есть такие, которые не представляют собою настоящей исторической благонадежности, а некоторые даже прямо противоречат тому, что известно из других источников. Поэтому я не выдаю предлагаемые рассказы за верное, а лучше хочу считать их апокрифами, в которых, может быть, не все верно, а иное положительно неверно, но тем не менее они, однако, имеют свое значение. Все они представляют нам события не в том сухом, хотя и точном, виде, в каком их представляют исследования и документы, а мы видим их тут такими, какими они казались современникам, составлявшим себе о них представления под живыми впечатлениями и дополнявшим их собственными соображениями, домыслами и догадками» [3, т. 8, с. 588-589]. Трижды переиздавая повесть при жизни, автор уже опускал это предисловие в виду его чрезмерной откровенности, только мешающей делу всей его жизни — борьбе с Православием.

В повести «Инженеры-бессребреники» (1887) обычным у Лескова образом внушается, что высокая нравственность и дар любви — качества у иных людей врожденные и никак не связанные с православной верой, а если все-таки такие люди встраиваются в жизнь Церкви, то происходит это по стечению внешних обстоятельств, причем встраивание скорее мешает развитию нравственности, нежели помогает ему.

Уклонение от воинской обязанности, в толковании Лескова, основанном, как сам он признался, на слухах, заставило двух «бессребреников», в частности, будущего святителя Игнатия, стать монахами: «По рассказам современников, Брянчанинов и Чихачев колебались уходить из мира в монастырь и решились на это только тогда, когда представилась необходимость взяться за оружие для настоящих военных действий» [3, т. 8, с. 240]. Лесков называет своих бессребреников «монахами» в кавычках, подчеркивая, что пострижение для них — это лишь прикрытие для продолжения настоящей «праведной» жизни. Так восприятию читателей предлагается откровенное и наглое искажение событий жизни и душевных переживаний святителя Игнатия.

Само его изначальное, с детства проявившееся стремление к Богу и монашеству толкуется в духе масонской магии: «Набожность и благочестие были, кажется, врожденною чертою Брянчанинова. По крайней мере по книге, о нем написанной, известно, что он был богомолен с детства, и если верить френологическим системам Галя и Лафатера, то череп Брянчанинова являл признаки “возвышенного богопочитания”» [3, т. 8, с. 232].

Впрочем, случилось в жизни будущего святителя, по уверению Лескова, и любезное его сердцу масонское воспитательное воздействие через труды митрополита Михаила Десницкого. Окончив семинарию, этот Михаил (тогда еще по-мирскому именовавшийся Матвеем) с 1782 года оказался воспитанником масонского Ордена злато-розового креста (розенкрейцеров) — в их филологической семинарии при Московском университете. Впоследствии при поддержке масонов он достиг высшего чина в иерархии Православной Церкви, став с 1818 и до смерти в 1821 году митрополитом Санкт-Петербургским и первенствующим членом Святейшего Правительствующего Синода. Сочинения и проповеди его были проникнуты духом утонченной масонской магии.

Лесков о направлении взглядов своих чудотворцов-бессребреников пишет осторожно, чтобы не насторожить цензуру, да и многих читателей: «Из различных путей, которыми русские образованные люди подобного настроения в то время стремились к достижению христианского идеала, наибольшим вниманием и предпочтением пользовались библейский пиетизм и тяготение к католицизму, но Брянчанинов и Чихачев не пошли вослед ни за одним из этих направлений, а избрали третье, которое тогда только обозначалось и потом довольно долго держалось в обществе: это было православие в духе митрополита Михаила. Многие тогдашние люди с благочестивыми стремлениями и с образованным вкусом, по той или по другой причине, никак не могли “принять все как в катехизисе”, но не хотели слушать и “чуждого гласа”, а получали успокоение для своих мучительных противоречий в излюбленных толкованиях и поучениях Михаила. <...> И у Михаила было очень много почитателей, оставшихся ему верными и после того, как в его сочинениях признано было не все “соответственным”» [3, т. 8, с. 236].

Влияние Михаила, в частности, «выразилось тем, что ни Брянчанинов, ни Чихачев не захотели воевать и не могли сносить ничего того, к чему обязывала их военная служба, для которой они были приготовлены своим специальным военным воспитанием.

«Монахи»-праведники в толковании Лескова «не попадали в общий тон тогдашнего инженерного ведомства, где тогда инспекторствовал генерал Ламновский, имя которого было исторически связано с поставкою в казну мрамора, почему его и звали “мраморным”. В инженерном ведомстве многие тогда были заняты заботами о наживе и старались ставить это дело “правильно и братски”, — вырабатывали *систему самовознаграждения*. “Монахи” не хотели ни убивать людей, ни обворовывать государства и потому, может быть по неопытности, сочли для себя невозможною инженерную и военную карьеру и решили удалиться от нее, несмотря на то, что она могла им очень улыбаться, при их хороших родственных связях и при особенном внимании императора Николая Павловича к Брянчанинову» [3, т. 8, с. 239-240]. Здесь, как обычно, Лесков в своей словесной паутине обличает и ложность Православия, оправдывающего войну за Отечество, и гнилость самодержавного правления, основанного на Православии.

Так, у Лескова праведники даже в условиях церковной жизни сопротивляются Православию и проповедуют словом и делом любезный автору древний языческий пантеизм. В этом ряду особенно значим образ старца Памвы из «Запечатленного ангела» (1872), который в храме природы уединенно молится некоему богу и помогает божественному духу, заключенному в человеческих душах и телах («запечатленному ангелу»), излетать обратно в безликое божественное всебытие. Так, он обращает в свою веру юного раскольника

Леонтия, благословляет его на смерть и соглашается с рассказчиком, заметившим: «Ты из него душу, как голубя из клетки, выпустил!», — добавляя «с радостью: — Улетел наш Лева!» [3, т. 4, с. 365].

Праведность иных лиц настолько сомнительна в свете не только Православия, а и обычной логики, что автору приходится, например, в конце рассказа о «герое брюха» Шерамуре объясняться, впрочем, ернически, ибо для Лескова, чем ближе человек к самоуничтожению (под воздействием сокровенной вселенской любви), тем лучше: «Я боюсь, что мой Шерамур вам не совсем понятен, читатель, но это не моя вина; я его записал верно. Лично я, по долговому навыку с ним обращаться, все в нем нахожу простым и понятным. Это видовая, а не родовая особенность: он сын своего родителя, и мне в нем видны крупные родственные черты, сближающие его даже с обращавшею его в христианство графинею. <...>; но это взято им не от них, а принесено оттуда, откуда дух дышит — приходит и уходит, но никто его не узнаёт. Шерамур человек ни на что не нужный, точно так же, как и те, и он благополучно догнiet в одно с ними время. Вся разница будет в том, что о первых скажут: “они скончались”, а о Шерамуре, что он — “окошел”. Но, может быть, это не так серьезно, как некоторые полагают, или по крайней мере не составляет самого решительного для вечности с ее бесконечным путем. Пьеса кончена, и читатель может меня теперь спросить: зачем она попала в одну книгу с рассказами о трех праведниках, с которыми у Шерамура, по-видимому, нет ничего общего в природе? Такой вопрос очень возможен, и я, предвидя его, спешу дать мой ответ» [3, т. 6, с. 300-301] («Шерамур (Чрева-ради юродивый)», 1879). Шерамур жил ради того, чтобы самому наедаться и других кормить. В этом выражалась его праведная любовь к ближним, принижающая, приближающая их чрево к земле, к смерти, а значит, и к освобождению божественной искры духа из-под толстых наслоений плоти.

В повести «Несмертельный Голован» (1880) явлен самый совершенный чудотвор-праведник. Он выше прочих благодаря веротерпимости. Его считали неподвластным смерти, хотя автор считает, что «такую кличку ему дала простота, которая сродни глупости» [3, т. 6, с. 352]. «Голован был зелейник» [3, т. 6, с. 357], то есть, в народном понимании колдун, впрочем, по видимости добрый: лечил людей бескорыстно. Его считали сектантом: «По мастерству своему он мог бы идти в повара или в кондитеры, но он предпочел другое, именно молочное хозяйство, <...>. Было мнение, что он избрал это потому, что сам был *молокан*. Может быть, это значило просто, что он все возился с молоком, но может быть, что название это метило прямо на его веру, в которой он казался странным, как и во многих иных поступках. Очень возможно, что он на Кавказе и знал молоканов и что-нибудь от них позаимствовал» [3, т. 6, с. 359].

Голован с любовью относился к представителям всех верований без разбору и потому казался «сумнителен в вере»: «Думали, что он был какой-нибудь раскольник, но это еще не важно, потому что в Орле в то время было много всякого разноверия: там были (да, верно, и теперь есть) и простые староверы, и староверы не простые, — и федосеевцы, “пилипоны”, и переkreщиванцы, были даже хлысты и “люди божий”, которых далеко высылали судом человеческим. Но все эти люди крепко держались своего стада и твердо порицали всякую иную веру, — особились друг от друга в молитве и ядении, и одних себя разумели на “пути правом”. Голован же вел себя так, как будто он даже совсем не знал ничего настоящего о наилучшем пути, а ломал хлеб от своей краюхи без разбору каждому, кто просил, и сам садился за чей угодно стол, где его приглашали. Даже жиду Юшке из гарнизона он давал для детей молока» [3, т. 6, с. 373].

Оттеняя его «праведность», Лесков рисует образ безобразного православного епископа Никодима, который служил в Орле в 1828—1839 годах: «Архиерей Никодим был злой человек, отличившийся к концу своей земной карьеры тем, что, желая иметь еще одну кавалерию (стать кавалером еще одного ордена — *А.М.*), он из угодливости сдал в солдаты очень много духовных, между которыми были и единственные сыновья у отцов и даже сами семейные дьячки и пономари» [3, т. 6, с. 368].

По мнению автора, люди, подобные Головану, «и удивительные и даже невероятные. Они невероятны, пока их окружает легендарный вымысел, и становятся еще более невероятными, когда удастся снять с них этот налет и увидеть их во всей их святой простоте. Одна одушевлявшая их *совершенная* любовь поставляла их выше всех страхов и даже подчинила им природу, не побуждая их ни закапываться в землю (имеются в виду Киево-Печерские чудотворцы — *А.М.*), ни бороться с видениями, терзавшими св. Антония» [3, т. 6, с. 397].

Конец его обычен для мира Лескова: «Он умер, и притом не самым опрятным образом: он погиб во время так называемого в г. Орле “большого пожара”, утонув в кипящей ямине, куда упал, спасая чью-то жизнь или чье-то добро» [3, т. 6, с. 352].

И все остальные праведники Лескова так или иначе движимы той же вселенской любовью к смерти и растворению в будто бы божественном всебытии.

1. Новикова-Строганова А.А. «Один у вас Учитель — Христос»: Н.С.Лесков о Церкви и духовенстве. Часть 1 [Электр. ресурс]. URL: <https://spbda.ru/publications/a-a-novikova-stroganova-odin-u-vas-uchitel-hristos-n-s-leskov-o-cerkvi-i-duhovenstve-chast-1/> (дата обращения: 15.01.2023).
2. Дунаев М.М. Православие и русская литература. Ч. IV. М.: Христианская литература, 2003. С. 541.
3. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 11. М.: ГИХЛ, 1956—1958. С. 577. Далее ссылки на это издание приводятся в виде выдержек с указанием в скобках тома и страницы арабскими цифрами.
4. Киевская старина. 1883. Т. V. Февраль. С. 235.
5. Исторический вестник. 1908. № 10. С. 165.

References

1. Novikova-Stroganova A.A. "Odin u vas Uchitel' — Khristos": N.S.Leskov o Tserkvi i dukhovenstve. Chast' 1 [*One Teacher You Have — Christ: N.S.Leskov on Church and Clergy. Part 1*]. Available at: <https://spbda.ru/publications/a-a-novikova-stroganova-odin-u-vas-uchitel-hristos-n-s-leskov-o-cerkvi-i-duhovenstve-chast-1/> (accessed: 15.01.2023).
2. Dunaev M.M. Pravoslaviye i russkaya literatura [Orthodoxy and Russian literature]. Ch. IV. Moscow, 2003, p. 541.
3. Leskov N.S. Works 11 vols, vol. 11. Moscow, 1956—1958, p. 577.
4. Kievskaya starina, 1883, vol. V, February, p. 235.
5. Istoricheskiy vestnik, 1908, no. 10, p. 165.

Motorin A.V. The righteous in the image of N.S.Leskov. The righteous, are perhaps the most striking phenomenon in the artistic world of Leskov. According to many, they, like Leskov himself, are genuine Christians. However, in order to understand Leskov's true ideas about righteousness, one must know his faith, which is based on the pantheistic understanding of love as an impersonal divine force that creates all things and dissolves all things, merging with the divine primary source — through death. According to Leskov, the righteous are people who are most imbued with the love of an impersonal omnipresent deity and who have come closest to the edge of their separate existence, behind which is destruction. These righteous people, like Leskov himself, do not understand and do not accept the possibility of eternal personal human existence and eternal communion with God the Creator.

Keywords: Leskov, Orthodoxy, righteous, Church, clergy.

Сведения об авторе. Александр Васильевич Моторин — д. филол. н., профессор (специальность 10.01.01 – русская литература); НовГУ им. Ярослава Мудрого, ИНПО, КНДОиСУ; ORCID: 0000-0001-6368-4647; amotorin@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.02.2023. Принята к публикации 05.03.2023.

Ссылка на эту статью: Моторин А.В. Праведники в изображении Н.С.Лескова // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 3(48). С. 205-209. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.3(48).205-209

For citation: Motorin A.V. The righteous in the image of N.S.Leskov. *Memoirs of NovSU*, 2023, no. 3(48), pp. 205-209. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.3(48).205-209